

Как топчут дорогу по снежной целине? Впереди идет человек, потя и ругаясь, едва переставляя ноги, поминутно увязая в рыхлом глубоком снегу. Человек уходит далеко, отмечая свой путь неровными черными ямами. Он устает, ложится на снег, закуривает, и махорочный дым стелется синим облачком над белым блестящим снегом. Человек уже ушел дальше, а облачко все еще висит там, где он отдыхал, – воздух почти неподвижен. Дороги всегда прокладывают в тихие дни, чтоб ветры не замели людских трудов. Человек сам намечает себе ориентиры в бескрайности снежной: скалу, высокое дерево, – человек ведет свое тело по снегу так, как рулевой ведет лодку по реке с мыса на мыс.

По проложенному узкому и неверному следу двигаются пять-шесть человек в ряд плечом к плечу. Они ступают около следа, но не в след. Дойдя до намеченного заранее места, они поворачивают обратно и снова идут так, чтобы растоптать снежную целину, то место, куда еще не ступала нога человека. Дорога пробита. По ней могут идти люди, санные обозы, тракторы. Если идти по пути первого след в след, будет заметная, но едва проходимая узкая тропка, стежка, а не дорога, – ямы, по которым пробираться труднее, чем по целине. Первому тяжелее всех, и когда он выбивается из сил, вперед выходит другой из той же головной пятерки. Из идущих по следу каждый, даже самый маленький, самый слабый, должен ступить на кусочек снежной целины, а не в чужой след. А на тракторах и лошадях ездят не писатели, а читатели.

<1956>

Варла́м Ти́хонович Шала́мов (1907—1982) — русский советский прозаик и поэт. Создатель одного из наиболее известных литературных и публицистических циклов о жизни заключённых советских исправительно-трудовых лагерей в 1930-е — 1950-е годы.

«С первой тюремной минуты мне было ясно, что никаких ошибок в арестах нет, что идёт планомерное истребление целой «социальной» группы — всех, кто запомнил из русской истории последних лет не то, что в ней следовало запомнить» (в письме Г.А. Воронской).

При работе над сочинением полезно обратиться к статье В. Шаламова «О прозе» (1965)

«Вопрос: должна ли быть новая проза документом? Или она может быть больше чем документ.

Собственная кровь, собственная судьба – вот требование сегодняшней литературы.

Если писатель пишет своей кровью, то нет надобности собирать материалы, посещая Бутырскую тюрьму или тюремные «этапы», нет надобности в творческих командировках в какую-нибудь Тамбовскую область. Самый принцип подготовительной работы прошлого отрицается, ищутся не только иные аспекты изображения, но иные пути знания и познания.

Весь «ад» и «рай» в душе писателя и огромный личный опыт, дающий не только нравственное превосходство, не только право писать, но и право судить.

«Колымские рассказы» – это изображение новых психологических закономерностей в поведении человека, людей в новых условиях. Остаются ли они людьми? Где граница между человеком и животным?

Автор считает лагерь отрицательным опытом для человека – отрицательным с первого до последнего часа – и жалеет, что собственные силы вынужден направить на преодоление именно этого материала.

Автор тысячу раз, миллион раз спрашивал бывших заключенных – был ли в их жизни хоть один день, когда бы они не вспоминали лагерь. Ответ был одинаковым – нет, такого дня в их жизни не было.

Даже те люди высокой умственной культуры, побывавшие в лагере, – если не были раздавлены и уцелели случайно – старались воздвигнуть барьер шутки, анекдота, барьер, оберегающий собственную душу и ум. Но лагерь обманул и их. Он сделал этих людей проповедниками принципиальной беспринципности, и их огромная культура знания послужила им предметом для домашних умственных развлечений, для гимнастики ума.

Анализ «Колымских рассказов» в самом отсутствии анализа. Здесь взяты люди без биографии, без прошлого и без будущего, взяты в момент их настоящего – звериного или человеческого? И на кого идет материал лучше – на зверей, на животных или на людей?

«Колымские рассказы» – это судьба мучеников, не бывших и не ставших героями.

В «Колымских рассказах» – как кажется автору – нет ничего, что не было бы преодолением зла, торжеством добра.

Если бы я хотел другого – я нашел бы совсем другой тон, другие краски, применяя тот же художественный принцип.

Собственная кровь – вот что сцементировали фразы «Колымских рассказов». Любой вопрос, который ставит жизнь, – а эти вопросы не только не разрешены, но даже не поставлены как следует. Память сохранила тысячи сюжетных вариантов ответа, и мне остается только выбрать и тащить на бумагу подходящий. Не для того, чтобы описать что-то, а затем, чтобы ответить. У меня нет времени на описание.

Ни одной строки, ни одной фразы в «Колымских рассказах», которая была бы «литературной», – не существует.

Автор надеется, что в 33 рассказах сборника никто не усомнится, что это – правда живой жизни».